

4.2. РОССИЙСКИЕ ПРИГОРОДЫ. ГОРОЖАНЕ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ¹

Город, так же как и сельскую местность, можно рассматривать в системе «центр—периферия», где центром служит культурно-историческая центральная часть города, а периферией — его окраины, переходящие в пригород. В этой моноцентрической схеме пригородная зона выступает как территория, сочетающая в себе функции как сельской, так и городской местности. При этом, аналогично схеме Тюнена для сельской местности (см. главу 3.3), убывает по мере удаления от центра интенсивность и концентрация городских видов деятельности. Пригород возникает в результате диффузии города, когда ему тесно в своих границах. При этом город, расширяясь, поглощает ближайшие пригороды, выбрасывая все новые протуберанцы.

Так возникал феодальный пригород с его ремесленными слободами, посадами, монастырями (как форпостами обороны и культурными форпостами центра). По той же схеме развивались буржуазные предместья: фабричные и спальные поселки, железнодорожные узлы, пристани, склады, пригородные усадьбы и дачи состоятельных горожан, пригородные рощи как «легкие» города и места прогулок. А рядом — карьеры вместе с производством строительного материала, свалки, кладбища. В новейшее время это еще и аэропорты, полигоны, экспериментальные заводы и т. п.

Таким образом, ландшафты пригородов крайне разнообразны, специфичны, часто неприглядны и мало управляемы.

Пригороды как зоны стягивания населения

Современные российские пригороды сформировались под влиянием двух противоположных процессов:

— *диффузии из центра городских видов деятельности* и городских нововведений, но не постоянно проживающего городского населения, которое пребывает там лишь сезонно;

— *стягивания в пригород извне как сельского, так и городского населения*, желающего работать в крупном городе или рядом с ним и пользоваться его экономическим и культурным потенциалом.

¹ В главе использовались авторские результаты работы над проектами «Окружение российских городов» (координатор Г. Иоффе, Рэдфорд, США) и «Тенденции развития периферийных зон крупнейших городов мира» (координатор И. Браде, Лейпциг, Германия).

Проиллюстрируем роль крупных городов в формировании территориальной структуры расселения и их влияние на ближайшие территории на примере Московского столичного региона и Ярославской области.

Относительно равномерное распределение городов и сельского населения к XIX в. сменяется заметным увеличением их густоты в Центральном районе (**рис. 4.2.1**). В XVIII–XIX вв., когда столицей был Петербург, в Центре России на базе промысловых навыков его населения и концентрации капиталов, сохранившейся после переноса столицы, распространились мануфактуры и фабрики, породившие многие города. Они стали основой последующей сверхбыстрой индустриализации в первой половине XX в., после того как Москва вновь становится столицей. Центры-спутники заметно сгущаются вокруг Москвы, развитие осуществляется по новой схеме «от города» (Московский столичный..., 1988). При этом Москва и ее пригороды поглощали огромные массы населения, как из ближайших, так из дальних регионов. Стягивание сельского населения к столице и другим крупным городам привело к опустошению сельской местности в окружающих областях, хорошо видному на **рис. 4.2.1**. Советская власть, отменив экономические регуляторы, пыталась ограничить рост Москвы бюрократическими мерами (институт прописки, запреты на строительство). Но они усиливали аккумуляцию населения и деятельности за чертой города. А при распространении ограничений на другие города или на все Подмосковье это повторялось у их границ как у новых барьеров². Так шло разрастание пригородов и их множественная интерференция.

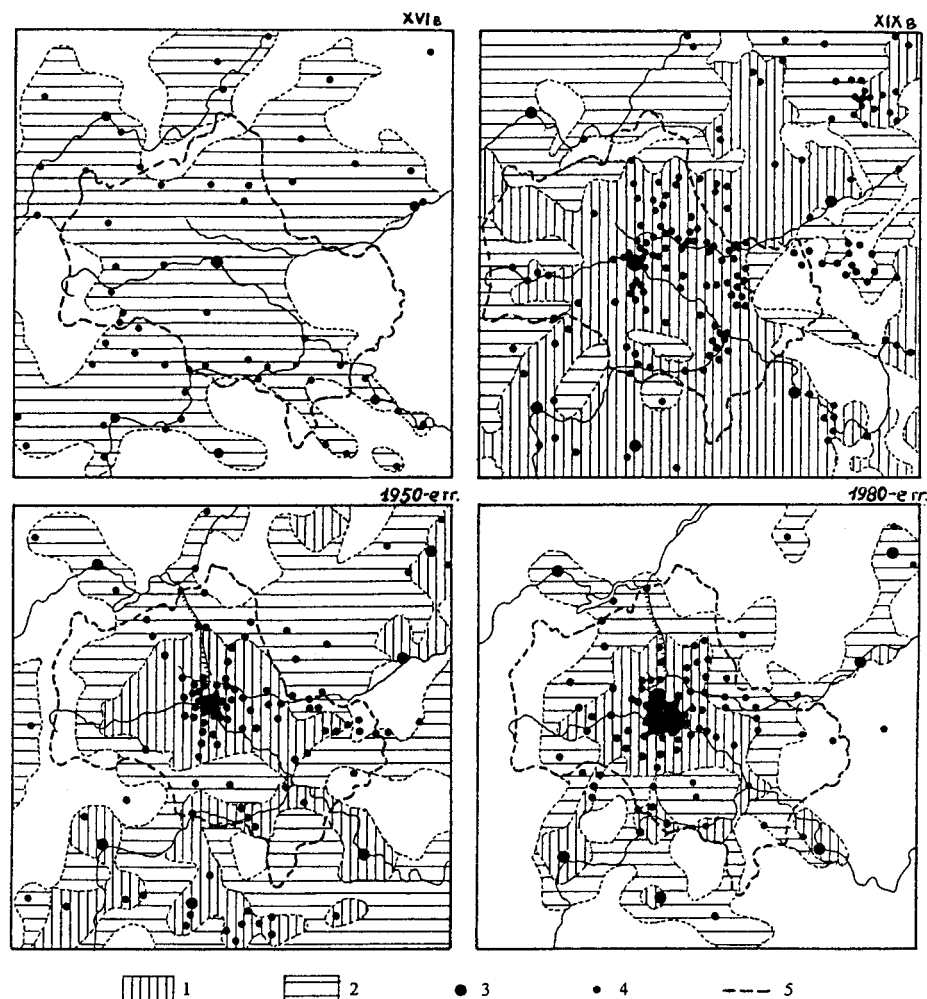
Барьерность границы Московской области, как типичное явление XX в., хорошо видна на меридиональном профиле (**рис. 4.2.2**), отражающем резкое «проседание» к концу века плотности сельского населения в Ярославской области. Лишь Ярославский пригородный район сопоставим по густоте сельского населения с окраинными районами Подмосковья.

Население Москвы и области весь век до 1990 г., за исключением отдельных периодов политических и социальных катастроф, росло быстрее, чем в среднем по России, в то время как в большинстве других центральных областей его численность колебалась, а сельское население сокращалось иной раз на четверть за десятилетие. Московская область обычно отставала по темпам от Москвы, но в отдельные периоды приближалась к ней. Эта динамика в значительной степени определялась особо высокой миграционной аттрактивностью столицы и ее пригородной зоны (**табл. 4.2.1**). Сельское Подмосковье также не теряло притягательности до 1990 г., в то время как у всех окружающих регионов сальдо миграций было резко отрицательным. В начале последнего десятилетия привычная картина нарушилась. Соседние с Подмосковьем регионы поглощали больше переселенцев с севера и востока России, а также из бывших республик СССР (на 10 000 населения). Однако абсолютные цифры сальдо миграций даже в села Подмосковья в то время почти в два раза превышали, например, приток в Тверскую область с ее более высокими относительными показателями.

Тем не менее, кратковременный миграционный спад в Подмосковьи, как и в столице, в начале 1990-х гг. был налицо. Помимо кризиса как такового, он был связан с не-

² См. главу 2.6.

Рис. 4.2.1. Специфика расселения Московского региона на исторических этапах его формирования

Ареалы с более высокой плотностью сельского населения

1 — более 50 чел./кв. км, 2 — 25–50 чел./кв. км

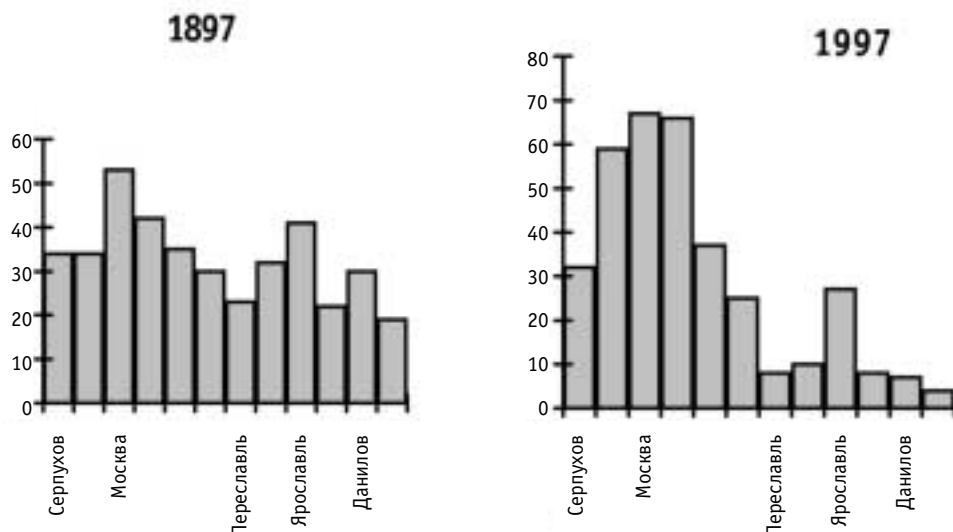
Центры сосредоточения ведущих функций каждого этапа (в XX веке — только городские, на предыдущих этапах — с разным поселенческим статусом):

3 — более крупные; 4 — мелкие

5 — современные границы Московской области.

Источники: Трейвиш А. Московский столичный., 1988, с. 77.

Рис. 4.2.2. Плотность сельского населения в 1897 и 1997 гг. на меридиональном профиле через Московскую и Ярославскую области

которым исчерпанием традиционных форм трудовой миграции в изменившихся условиях, а также со статистическим артефактом: из учета миграций были исключены военнослужащие (Моисеенко и др., 1999, с. 12). Экономические факторы сдерживания населения создали новую барьерность границ столицы и ее пригородной зоны за счет более высокой стоимости жизни, земли, жилья по сравнению с глубиной. Однако барьер Московской области оказался не столь высок, как столичный, и ее привлекательность в начале 1990-х оказалась выше. К 1998 г. былая привлекательность Москвы и ее пригорода практически восстановилась. Сильная запущенность сельской местности в глубинке и преимущества крупных городов и ближайших к ним территорий, которые дают возможность если не жить, то работать в столице, оказались сильнее всех барьеров. При этом положительное сальдо Подмоскovie на 60% формируется выходцами из других регионов России (Миграции в Московской..., 1999), остальное — в основном внешние миграции.

После паузы (1991–1996 гг.) восстановилось и положительное сальдо миграций из Московской области в Москву, в 1998 г. оно составило 7 тыс. человек (см. таблицу 2.6.3). Все это говорит о том, что в России следует, по-видимому, говорить не о дезурбанизации и даже не о субурбанизации западного типа³, а скорее о российском варианте сезонной субурбанизации, специфика которого еще будет показана в этой главе более подробно.

³ См. главу 2.6.

Таблица 4.2.1. Динамика, плотность и миграционный прирост населения Москвы, Московской области и некоторых окружающих областей Центральной России

	Москва*	Московская	Владимирская	Смоленская	Рязанская	Тверская	Ярославская	Россия
Динамика населения, 1999 в % к 1959 г.								
Все население	141	136	116	100	90	90	102	125
Сельское население		63	52	44	40	42	48	70
Плотность населения, чел на кв. км.								
Всего	7906	142	42	24	34	20	40	9
Сельского		28	11	7	11	5	8	2
Миграционный прирост всего населения на 10 000 чел.								
1979–1988	80	50	15	16	-11	25	20	13
в среднем за 1989–1994	5	36	31	65	37	51	38	19
1996–1997	49	62	27	32	30	59	38	24
1998	69	57	38	13	21	34	30	19
Нетто-миграции в тыс. чел. в 1998	59,5	37,6	6,2	1,5	2,7	5,5	4,3	284,7
Миграционный прирост сельского населения на 10 000 чел.								
1979–1988		8	-100	-122	-126	-39	-71	-98
в средн. за 1989–1994		29	15	43	42	52	30	23
1996–1997		69	36	15	36	28	26	12
1998		52	41	-3	24	-5	14	11
Нетто-миграции сельского населения в тыс. чел. в 1998		6,9	1,3	-0,1	1,0	-0,2	0,4	44,5

* Данные за 1959 год в измененных границах 1961 года

Источники: *Демографический ежегодник.., 1995; Численность населения.., 1999; Численность и миграции населения, 1997, 1998, 1999.*

В других российских регионах пригородные зоны хотя и скромнее по размерам, но так же привлекательны для переселенцев. Например, в Ярославской области для динамики населения различия центр — периферия оказались решающими. Удаленные северо-восточные и северо-западные районы за три десятка лет потеряли до $\frac{2}{3}$ сельского населения, пострадал и Некрасовский район, расположенный между Костромой и Ярославлем, чье население «выкачали» областные центры. Больше половины жителей лишился и самый южный Переславский район, граничащий с Московской областью. А два пригородных района, Ярославский и Рыбинский, потеряли только 20 и 30% сельского населения. Теперь плотность сельских жителей близ Ярославля составляет 27 чел./кв. км, в соседних районах — сразу падает до 8–11, а на северо-востоке — до 4–5 человек на кв. км. В результате вокруг Ярославля (на 5% площади области) сосредоточена почти пятая часть сельского населения области и почти половина всего ее населения.

В 1990-х гг. сельские пригороды области по-прежнему были наиболее аттрактивны, наряду с восстановившим свою привлекательность пограничным с Московской областью Переславским районом. В основном это были мигранты извне (с севера или из республик бывшего СССР), но важно, что уже к 1996 г. до $\frac{1}{5}$ миграционного притока в пригороды составили внутренние переселенцы из других поселений области при сильном оттоке селян из удаленных районов⁴. Все это говорит о возобновлении внутри-областных перемещений населения от периферии к центру.

Помимо плотности и динамики населения, пригороды выделяет и относительно хорошая инфраструктурная обустроенность. Разрыв в освоенности и обустроенности Московской и Ярославской областей виден на **рис. 4.2.3**. В Ярославской области показаны железные и все реально проезжие автодороги с твердым покрытием, связанные с основной магистральной сетью. В Московской области показ всех автодорог с твердым покрытием при их большой густоте в таком мелком масштабе просто невозможен, поэтому были отобраны, особенно в ближнем Подмосковье, лишь основные, организующие пространство линии⁵.

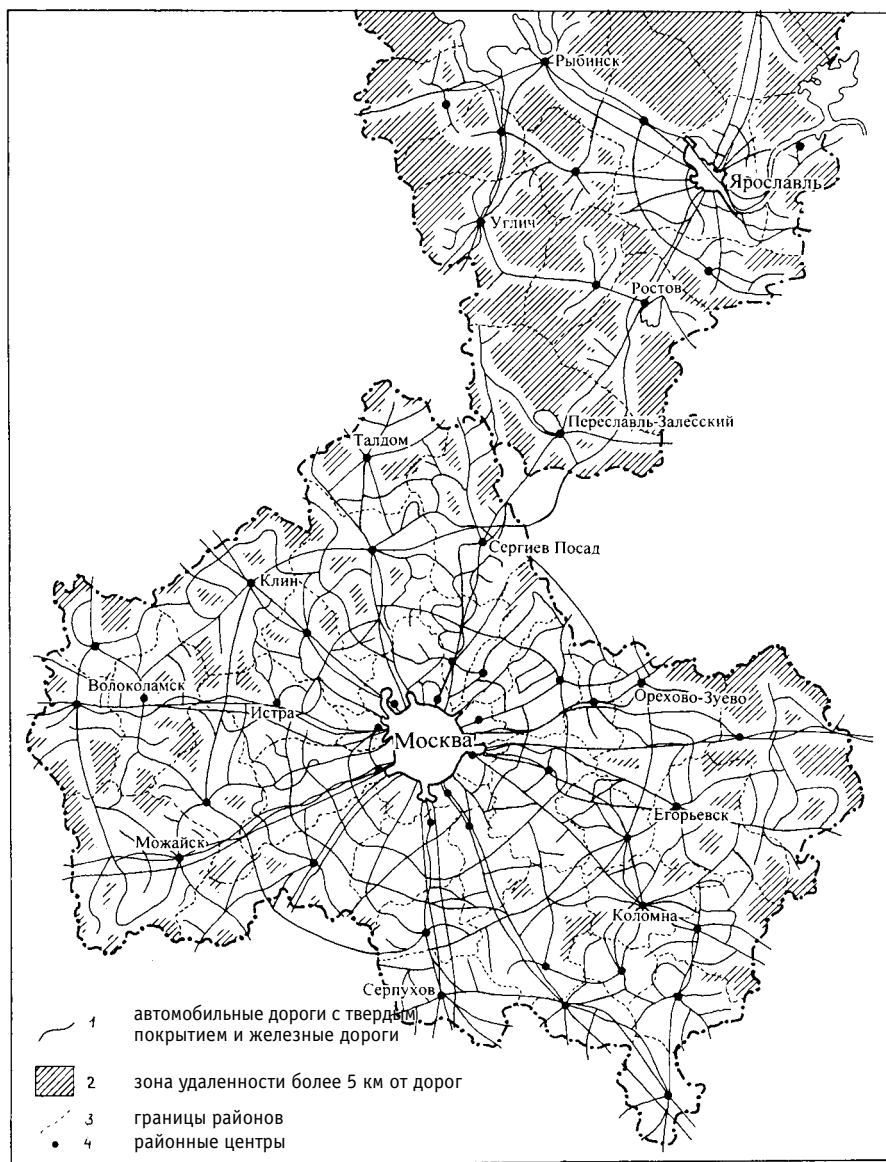
Сам характер транспортной сети — циклический в Подмосковье и древовидный на Ярославщине — также говорит об их принципиальном различии. Подмосковье практически все можно считать пригородной зоной. Относительно малодоступные ареалы можно найти здесь лишь на западных и восточных окраинах области. В основном это территории, где сходятся глухие углы разных районов⁶. Большая часть территории Ярославской области связана лишь редкой ненадежной сетью грунтовых дорог. В ней лишь Ярославский район приближается по транспортной обустроенности к Московской области. Это и есть реальная пригородная зона области.

⁴ См. начало главы 3.6.

⁵ Для выявления степени обеспеченности территории проезжей дорожной сетью было принято, что полосы удаленностью до 5 км от дорог с твердым покрытием определяют рамки транспортной доступности. Остальные пространства, по сути, малодоступны и как бы выпадают из поля основной социально-экономической активности.

⁶ Даже на столь плотно освоенной и заселенной территории ярко проявляется специфика местной дорожной сети России — ее обрывы (размыкание) на границах основных регионов, которые связываются только относительно крупными магистралями. Это позволяет определять административные границы даже из космоса.

Рис. 4.2.3. Транспортная доступность территории в Московской и Ярославской областях

Выделяет пригороды и система расселения, и сама организация деятельности. Несмотря на характерную для Нечерноземья в целом мелкоселенность, доля мелких сел и деревень в Подмоскovie гораздо меньше, чем в соседних областях. Да и коллективные предприятия (колхозы, совхозы, акционерные общества и т. п.) мощнее в 2–4 раза. Это особенно наглядно видно при сравнении соседних административных районов, разделенных областной границей.

Пригородные территории – это не крупный город и не сельская местность, а некий переходный между городом и деревней мир. И люди здесь живут иные, чем в центре и в глубинке. О различии сельских жителей в пригородах и на периферии, живущей до сих пор патриархальными традициями и натуральным хозяйством, уже говорилось (см. главу 3.5). Исследователями установлено, что урбанизация личности обгоняет по темпам урбанизацию сельской среды (Зайончковская, 1991, с. 14). Отчасти это связано с тем, что из глубинки в города и пригороды уезжали наиболее молодые и активные люди. Немаловажно и влияние на селян городских дачников, заполонивших пригороды. Но специфичны и городские жители в пригородах, что заметно в Подмоскovie: они и не столичные, и не провинциальные. Наряду с типом столичного горожанина, *москвича*, существует тип *подмосковича* как пригородника и маргинала, но не провинциала.

Наращение влияния города по мере приближения к нему на тип населения видно, в частности, и по результатам выборов, например, президентских 1996 г., которые очень четко отражали политическое расслоение общества. Население в ближайших к Москве районах голосовало почти так же, как и москвичи (70–75% за Б. Ельцина при 77% в столице), районы-соседи второго порядка — показали 65–70% голосов за Ельцина, а удаленные окраины — 50–55% (Политический альманах..., 1997, с. 663–683).

От отходничества до маятниковых миграций

Говоря о взаимоотношении города и его окружения, В. П. подчеркивал условность ограничения города цепью укреплений или административными границами. Экономический, в его понимании, город *«в своем бесконечном свободном развитии, постепенно поглощая деревни, теоретически может охватить хоть площадь целого уезда и даже более, причем городская жизнь будет сгущаться по мере приближения к центру и расплываться незаметно в сельскую к окраинам уезда и даже далее»* (с. 85–86).

Бурная индустриализация и урбанизация XX века, проводимые за счет российской деревни, с одной стороны, увеличили разрыв между городом и деревней, а с другой — связали их множеством социальных и экономических связей. Попробуем показать, как менялось влияние городов на деревню и какие территории оказывались к этому влиянию наиболее восприимчивыми.

В начала века связь города и деревни ярко проявлялась в отходничестве (см. карту на рис. 3.5.3). Крестьянские хозяйства, особенно в зонах влияния крупных городов,

при аграрном перенаселении становились поставщиками временной рабочей силы в города. На севере число отходников превышало 10% сельских жителей, а в Центрально-Промышленном и Петербургском районах составляло пятую часть. Многие крестьяне месяцами и годами жили в городах, имея городские профессии, но формально относясь к крестьянскому сословию. При этом за ними числилась земля, и они платили за нее налоги. Таким образом, данные формальной приписки населения несколько завышали степень аграризации страны. И все же это были не постоянные городские жители. Отходничество зависело от положения в сельском хозяйстве: повышались цены на лен, расширялись посевные площади — сокращался отход, и наоборот, как только сеять лен становилось менее выгодно, отход усиливался. Вместе с тем именно отходники были первыми проводниками городского менталитета в деревню. Велики были и потоки крестьян, торговавших в городах.

Горожане, не обрубившие родственные и экономические связи с деревней, готовы были в нее вернуться во времена сильных политических и экономических потрясений, например, во время Гражданской войны, когда крупные города стремительно опустели, но почти так же быстро восстановили население.

Традиция отходничества при советской власти постепенно преобразовалась в потоки «лимитчиков», а также в маятниковые миграции из села в город, дополнявшие картину городской рурализации. В 1970–1980-х гг. примерно каждый десятый житель пригородных сел и поселков городского типа ездил на работу в город (Советский народ..., 1988, с. 76). Маятниковая миграция носила большей частью производственный характер. Использование в городах маятниковых мигрантов из окрестных сел в основном на неквалифицированных работах было одним из путей получения рабочей силы без экстенсивного расширения самих городов. За 1925–1975 гг. масштабы трудовой маятниковой миграции выросли в 27 раз, ежедневные поездки в город с культурно-бытовыми целями — в 16 раз (Денисова, 1998, с. 147).

Но даже если не было работы в городе, поездки туда сельских жителей были весьма регулярны. Для анализа кратковременных поездок из села в город в 1979 г. был проведен опрос сельских жителей, который показал, что треть опрошенных посещали город еженедельно, половина — раз в месяц, каждый шестой — один-три раза в год (Денисова, 1988, с. 147). Половина ездила в город за покупками, 40% — по делам, связанным с работой, 30% — к родственникам, примерно четверть опрошенных посещали город с культурно-развлекательными целями. Многие престарелые сельские жители переезжали к детям в города на зимнее время. В 1980-х гг. до 70% деревенских жителей имели родственников в городах (там же, с. 153). Так что влияние городов на деревню, а особенно на пригороды, было очень велико.

Связь пригорода с крупным городом в конце XX века можно проследить на примере маятниковых миграций между Москвой и Подмосковьем. Массовые трудовые поездки прекращаются примерно на уровне двухчасового пути от места проживания до работы (Моисеенко и др., 1999, с. 28). Численность комьютеров из пригородов, работающих в Москве, постоянно увеличивалась, превысив в середине 1980-х гг. 700 тыс. человек.

Обратный поток — поездки москвичей на работу в города области — составляли до $\frac{1}{4}$ от прямого потока в центр (Московский столичный..., 1988, с. 254).

Доля занятых, уезжающих ежедневно на работу в Москву из соседних со столицей районов, очень велика. В Химках и Одинцово более 70% всех работающих едут в Москву, в Балашихинском и Люберецком районах на востоке — более половины, в остальных районах — соседях Москвы первого и второго порядка — около трети⁷. То есть ближайшие пригороды стали во многом спальными территориями столицы. Из самых удаленных районов, таких как Серебряно-Прудский, ездят на работу в Москву 0,5% работающих, из Лотошинского или Волоколамского — 3–4%.

В качестве «компенсации» ближайшие пригороды часто притягивают работников из самой Москвы или из более удаленных пригородов. Наиболее привлекательным оказался Балашихинский район, в котором около 40% всех занятых на его предприятиях приезжают из других территорий. До трети «чужаков» работает в Химкинском и Одинцовском районах. Это, в основном, те, кто не смог пробиться в Москву, но работают у ее границ. Есть среди работников и москвичи, так как доехать в эти пригороды с окраин Москвы часто проще, чем до противоположных концов столицы⁸.

В целом за последние 20 лет существенно изменился состав маятниковых мигрантов из пригородов, значительно повысился их образовательный уровень. В то же время в Москву долгие годы приезжали «лимитчики» для работы в непрестижных отраслях экономики, замещенные в 1990-х временными и чаще иностранными рабочими. Казалось бы, тенденция аналогична тем, что имеют место в развитых странах: квалифицированные работники едут из пригородов на работу в столицу, а городские территории заселяются малоквалифицированной рабочей силой. Однако в России маятниковые мигранты — это в подавляющем большинстве не выехавшие в пригород москвичи, а желающие пробиться в столицу подмосковичи.

Горожане в сельской местности

В широком смысле слова внедрение городских условий и менталитета в сельскую местность — это рурбанизация. Но в России механизмами такой рурбанизации были, с одной стороны, проникновение горожан в деревню, а с другой — стягивание жизнеспособных сел к пригородам.

Отток горожан в села на постоянное место жительства для периода бурной урбанизации, каким был XX в., не характерен. Единственное исключение — времена больших смут. Призывы «помочь своим трудом деревне» в 1970–1980-х гг. не находили успеха. В деревню редко возвращались даже те сельские мигранты, которые годами не могли адаптироваться в городе. Только в 90-х гг. сельское население стало увеличиваться за счет горожан, да и то в основном переселенцев из республик бывшего СССР (Зайончко-

⁷ Рассчитано автором по данным Федеральной государственной службы занятости по Московской области за 1999 г.

⁸ К тому же в этих пригородах много мест приложения труда «столичного уровня».

вская, 1997). Присутствие горожан в деревне было преимущественно временным, но их влияние на сельскую жизнь оказалось очень сильным. Это присутствие можно условно разбить на два типа: *принудительное и добровольное*.

Принудительные отработки горожан связаны с попытками промышленных предприятий решить проблемы продовольственного обеспечения своих рабочих, создавая подсобные хозяйства или работая в колхозах и совхозах. Кроме того, по разнарядке партийных органов в помощь колхозам выделяли школьников, студентов и служащих городов. В 1989 г. отвлечение рабочих и служащих от их основной деятельности составило 86 млн человеко-дней. Это равносильно отсутствию на основном месте работы 300 тыс. человек ежедневно (Денисова, 1998, с. 46).

Добровольное присутствие горожан в деревне связано с агро-рекреационной составляющей городской жизни. Корни сельскохозяйственной деятельности горожан в России очень глубоки. Еще в XVI в. огородничеством занималась значительная часть горожан (Милов, 1998, с. 257). Во многих южных городах огороды, расположенные в городской черте, были основой пропитания их жителей и главным видом занятий. Во второй половине XX в. аграрные занятия горожан сильно расширяются. Вокруг городов растет зона их сельскохозяйственной деятельности, сопровождаемой бумом садового и дачного строительства.

Второе загородное жилье не является специфической особенностью России, но нигде в мире оно не получило такого распространения. Его образцы задавались элитой и воспроизводились по принципу эстафет. В предреволюционной России дворяне, жившие обычно зимой в городах, летом выезжали в сельские усадьбы, сочетая там отдых с управлением помещьем. Эту традицию наследовал сначала дореволюционный средний класс (разночинцы), а затем — советская номенклатура. С другой стороны, население России как страны быстрой и недавней урбанизации сохранило крестьянские корни. Но главное, что долгие годы поддерживало эту традицию, — постоянный дефицит продуктов, стимулирующий выращивание овощей, ягод и фруктов, а иногда и птицы на своих крошечных участках земли. В самом конце века дефицит продуктов сменился дефицитом денег, что еще больше способствовало расширению сельскохозяйственной деятельности горожан.

В ходе опроса, проведенного в начале 1990-х гг. Всероссийским центром изучения общественного мнения в разных городах России, три четверти опрошенных заявили, что у них или их родственников есть земельный участок, которым они пользуются для выращивания сельскохозяйственной продукции. В крупных городах об этом заявили 60% опрошенных (Левинсон, 1993). При этом две трети ныне «безземельных» горожан хотели бы получить участок земли. По данным того же опроса, лишь 3% жителей крупных городов и 10% средних и малых имеют наделы 10–20 соток и более. Преобладают участки 5–10 соток, а до трети населения владеют клочком земли и менее 5 соток. Столь малые участки были результатом жестких административных ограничений, заменявших рыночную цену земли.

К настоящему времени сложилось *четыре вида «усаддеб» горожан в сельской местности*.

Самый старый тип — это *дачи*. Они появились задолго до революции как место летнего отдыха служилого класса. Дачи были феноменом пригородов крупнейших городов, и прежде всего Москвы и Петербурга. В. П. показывал, как расширялась дачная зона вокруг Петербурга в XIX веке (с. 86). Еще в 1870 г. большая часть состоятельной интеллигенции довольствовалась Островами и Лесным как ближайшими к городу местностями. Петергоф, Ораниенбаум, Стрельна, Царское Село и Павловск считались отдаленными дачными пунктами. Во время написания книги (1910 г.) перечисленные пункты стали для дачников тем, чем были Острова и Лесной 40 лет назад, а их место заняли окрестности Нарвы, Луги, Выборга.

То же самое происходило под Москвой. К 1917 году здесь уже насчитывалось около 20 тысяч дач (Хауке, 1960, с. 15). В 1920-х гг. появились ведомственные и бесплатные дачи для трех основных типов советской элиты: партийной, хозяйственной и интеллектуальной. Эти государственные дачи благополучно просуществовали до 1990-х гг. Расширение частного дачевладения, но без собственности на землю продолжалось в 1930-х гг. и в первые десятилетия после войны. Дача долго оставалась привилегией элитных классов. По наличию дачи и машины в советском обществе определялся статус человека. Под дачи отводились значительные участки земли (от 12 до 50 соток), но их сельскохозяйственное использование начало развиваться лишь с середины века и не было интенсивным: немалые площади оставались под лесом и лужайками. В целом дачные поселки вокруг городов до сих пор довольно живописны. Во время второй (хрущевской) коллективизации дачевладельцы попали в немилость, их называли «новыми кулаками», предлагали резко сократить дачные участки (Хауке, 1960, с. 74, 78).

Тем не менее, потребность в дачах быстро росла и не удовлетворялась. Все более распространенным явлением в 1950–1960-х гг. становится аренда дач и обычных сельских домов (в обиходном языке это тоже дача) на лето, а стало быть, сезонное уплотнение населения в сельской местности. Как правило, это ограничивалось радиусом 50 км от городов. Аренда задохнулась из-за невозможности вести свое сельское хозяйство, которое становилось мощным фактором загородного времяпровождения горожан, а также из-за нараставшего стремления иметь свою «фазенду».

Классические дачи не удовлетворяли стремительно росший спрос горожан на второе жилье, и после войны появился новый, самый массовый тип агро-рекреационного землепользования — *коллективные сады и огороды*, существующий теперь вокруг всех значительных городов. В 1950 г. в садоводческих кооперативах числилось 40 тысяч членов, в 1970 — уже 3 млн, а к 1990 году садовые участки имели 8,5 млн семей, а коллективные огороды — 5,1 млн семей (Черкес, 1992, с. 75; Нефедова, 1993). В последней декаде века произошло наиболее резкое расширение агро-рекреационной деятельности горожан⁹. Площадь коллективных садов с 1990 по 1999 гг. увеличилась с 576 тыс. га до 1262 тыс. га. Площадь огородов — возросла к 1995 г. с 379 до 602 тыс. га, но к 2000 г. упала до 437 тыс. га. Площади для индивидуального жилищного строи-

⁹ В 1990-х гг. отмечалась и социальная инерция сельскохозяйственной деятельности относительно обеспеченных горожан, ставшая при исчезнувшем дефиците продуктов экономически бессмысленной: вырастить и привезти картошку из отдаленных районов часто обходится дороже, чем купить ее в городе.

тельства (новая категория в землепользовании) — расширились к середине 90-х гг. до 580 тыс. га¹⁰ (Государственный..., 1996, с. 87; Сельское хозяйство в России, 2000, с. 86). Это вполне сопоставимо с расширением за тот же период приусадебных участков сельских жителей — с 3,2 до 6,1 млн га.

Коллективные сады и огороды имеют два корня: 1) дача и 2) огороды, в том числе внутригородские, расширяющиеся в смутные времена. Семейный участок в коллективных садах поначалу не превышал 6 соток и должен был обязательно возделываться, ограничивались размеры и уровень обустройства сугубо летнего домика. Огороды — еще меньше, и на них вообще запрещались какие-либо жилые постройки. Переход в 1967–1969 гг. на двухдневный отдых в конце недели и необходимость ночевки за городом заставили власти несколько смягчить ограничения. По замечанию Б. Б. Родомана, вокруг городов возникли *трущобные свержорода* диаметром в сотни километров, без удобств, пожароопасные, антисанитарные, со всеми вытекающими отсюда социальными последствиями (Родоман, 1993, с. 39). Например, общая площадь всех земель горожан в Московской области в три с лишним раза превышает территорию самой Москвы (Нефедова, 1998).

Покупка (наследование) сельских домов — третий тип проникновения горожан в деревню, развивающийся с 1970-х гг. Он стал прямым следствием депопуляции деревни. Местные власти всячески препятствовали наплыву дачников и продаже домов в деревнях, поэтому такие сделки поначалу имели полукриминальный, фиктивный характер: неофициальные договоры или оформление на местного жителя. Только в 1989 г. вышло постановление, разрешающее горожанам куплю-продажу домов (но не земли) в деревнях. Вначале полуразвалившийся дом в полузаброшенной деревне можно было купить за 1–3 месячные зарплаты. По мере распространения этого рынка все близлежащие к крупным городам пустующие деревенские дома были скуплены, и зона этого типа второго жилья начала быстро расширяться. Спрос горожан все увеличивался, цены росли. Зоны летнего «расползания» Москвы и С.-Петербурга сомкнулись на юге Псковской и Новгородской областей на расстоянии более 300 км от каждого центра. Например, в Невельском районе Псковской области на семь с половиной тысяч местных жителей приходится летом 4 тысячи дачников, 70% которых — это москвичи и петербуржцы (Филиппович, Павлова, 1995). Это, пожалуй, наименее пригородная разновидность горожан в деревне. Тем не менее, по концентрации дачников в сельской местности можно судить о степени «связности» территории с главным городом. Например, упоминавшийся уже Переславский район Ярославской области вполне может быть отнесен к пригороду Москвы, так как в деревнях, относящихся к сельсоветам, пересекаемым автомагистралями, на одного местного сельского жителя приходится 1–2 дачника из Москвы и подмосковных городов¹¹.

И все же вторичное летнее заселение количественно не может быть вполне адекватным запустению сельской местности. По понятным причинам оно имеет определен-

¹⁰ Правда, в эту категорию входят как городские, так и сельские жители.

¹¹ Рассчитано автором по данным обследования на основании «Первичного списка плательщиков арендной платы (физических лиц) в границах земель, переданных в ведение сельских советов», полученного в г. Переславле и фиксирующего постоянные адреса прописки всех владельцев земли.

ные пределы. Для многих городских семей их задает доступность для посещения в выходные дни. Хотя неработающим иждивенцам, пенсионерам, а также лицам творческого, сезонного и вообще ненормированного труда подходят и более удаленные места. Для них ограничением часто служит почти полное отсутствие инфраструктуры, в т. ч. магазинов, медпунктов и т. п.

Четвертый тип горожан в сельской местности — это *владельцы коттеджей*. Они появились с конца 1980-х гг. и больше всего соответствуют представлению о западном single family house. Зона коттеджей тоже расширяется, но они остаются, в основном, феноменом пригородов. Деревянные дома с участком 8–10 соток, стоившие сравнительно недорого (около 10 тыс. долларов), с появлением прослойки «новых русских» стали сменяться каменными, а цены быстро расти. Стоимость некоторых каменных монстров, напоминающих средневековые замки, перевалила за 1 млн долларов. Они быстро возникали в дачных поселках, рядом с ними или на окраинах полей. Спрос на коттеджи этого типа был быстро удовлетворен и начал падать. По уровню обустройства они не уступают городскому жилью, однако фактически очень часто используются сезонно, как классические дачи. Новая волна — строительство двухэтажных коттеджей, сгруппированных в отдельные поселки. Такими коттеджами интересуются не столько отдельные граждане, сколько банки, крупные предприятия, ведомства для своих служащих.

Соотношение разных видов второго жилья горожан можно увидеть по структуре участков в России. К 1990 году 55% составляли садовые участки, 31% — огородные, 13% — приусадебные в сельской местности и 1% — дачные. Вокруг крупных городов, прежде всего Москвы и Петербурга, доля дач заметно выше, садов и огородов — меньше. А степень распространения горожан в деревне можно проследить на примере Петербурга, где 24% семей имели участок в коллективном саду, 15% — дома в деревнях, 6% участвуют в коллективном огородничестве и 2% владеют дачами (Жихаревич, 1990, с. 83). То есть почти половина всех городских семей так или иначе обрабатывала небольшой участок земли в основном в пригороде. Интересно бесспорное преимущество агро-рекреационного отдыха — почти 90% опрошенных горожан хотели бы иметь второе жилье в сельской местности, а лишь треть респондентов отдала предпочтение домам отдыха, санаториям, семейным домикам на базах отдыха (там же).

Тяга горожан к земле поразительна. Как только ни называют они свои крошечные клочки и преимущественно жалкие строения: поместьями, виллами, фазендами. Но в целом «дача» как собирательное понятие, воплощение «русской мечты» не есть результат какой-то особой руральной ментальности, а результат вписывания естественной для всех народов тяги к совмещению достоинств городской и сельской жизни в конкретно-исторические и географические условия России.

Так сложилась *специфическая советская субурбия* — пригороды крупных городов, отличие которых от западных пригородов состояло, прежде всего, в том, что они *формировались не выезжающими из метрополии на постоянное место жительства горожанами, а сезонно присутствующими там дачниками*. Постоянное население, наоборот, стягивалось к центру из периферийных и полупериферийных районов.

Концентрация летнего городского населения в пригородах очень велика. Наши обследования некоторых районов Подмосковья показали, что на 10 местных домовладельцев в селах приходится от 4 до 10 домов, купленных горожанами. В целом, в Подмосковье земли горожан соотносятся с сельскохозяйственными землями как 1:10, в пригороде Ярославля — 1:20 (Нефедова, 1998).

Очевидно наличие, по крайней мере, пяти факторов, тормозящих субурбанизацию западного типа: 1) бедность большинства населения; 2) бедность местных администраций, мешающая улучшению пригородной инфраструктуры; 3) суровый климат, удорожающий жилье для круглогодичного проживания; 4) сохранение института прописки (регистрации) в крупнейших городах, что удерживает горожан от официального переезда в пригороды; 5) консерватизм пригородных властей, по традиции больше озабоченных состоянием производства, хотя пригород уже становится, прежде всего, *функцией жизни*, и не меньший доход в бюджет может дать жилищное и сервисное строительство. Однако что-то общее с западными пригородами начинает появляться в последние годы, о чем мы уже говорили в главе 2.6. Некий ручеек субурбанизации формируют те пенсионеры и трудоспособные горожане, которые, используя в качестве основного источника дохода сдачу в наем городских квартир, сами переезжают в пригороды. Рост особняков означает выплескивание из города если не населения, то капиталов. Наконец, к середине 90-х гг. заметнее становится развитие в пригородах некоторых сервисных отраслей: магазинов, автозаправок, складов. Их возникновение, однако, связано не столько с ростом потребительского спроса дачников (что будет показано в конце этой главы), сколько с более низкими арендными и налоговыми платежами по сравнению с крупными городами. Это все тот же феномен стремления в города, а не из города, сдерживаемого теперь экономическими барьерами.

Изменение землепользования в пригородах и рынок земли

К началу XX в. частные земли составляли около четверти всех российских земель (Комов и др., 1995). Вслед за Декретом 1917 г. об отмене помещичьей собственности на землю Земельный кодекс 1922 г. отменил и само право частной собственности на нее, причем «навсегда» (Земельный кодекс..., 1922, с. 901). К вопросам частной собственности на землю и ее купли-продажи вернулись лишь в последнее десятилетие века. Только с 1992 по 1996 г. земли граждан по всей России выросли с 1 до 17% сельскохозяйственных земель (Государственный доклад..., 1996), хотя и составляли чуть более 2% территории России. При этом парадокс заключается в том, что *формирование реального рынка земли в сельской местности связано именно с горожанами, с бумом пригородного второго жилья.*

Для упорядочения движения земель правительство РФ в начале 1990-х гг. ввело цену на землю, равную 200-кратной ставке земельного налога, и определило методы расчета этого налога в зависимости от качества и местоположения (Закон «О плате...», 1991, 1994; О порядке..., 1994). Ставки определяли законодатели субъектов РФ,

а с 1997 г. и местные власти низовых административных районов. Это задало дифференциацию нормативной цены сельскохозяйственной земли и коэффициенты удорожания городских и сельских земель, используемых населением и несельскохозяйственными предприятиями. Ежегодно она растет, но остается очень низкой. Разброс этих нормативных цен в среднем по регионам России не очень велик — около 6 раз, самые низкие цены в Архангельской области, самые высокие — в Краснодарском крае (Плата за землю..., 1996).

Нормативные цены, в том числе и для дачников, по идее, должны были создать регулируемый рынок земли. Однако в пригородах его опрокинула мощная волна стихийного рынка, особенно после приватизации населением крошечных личных участков. Здесь *реальную цену определяет только соотношение спроса и предложения*, и она отличается от нормативной в десятки и сотни раз. При этом в ценах на землю фиксируется четкий центрально-периферийный градиент (**рис. 4.2.4**) с перепадами между ближайшими к городу и удаленными районами в десятки и сотни раз.

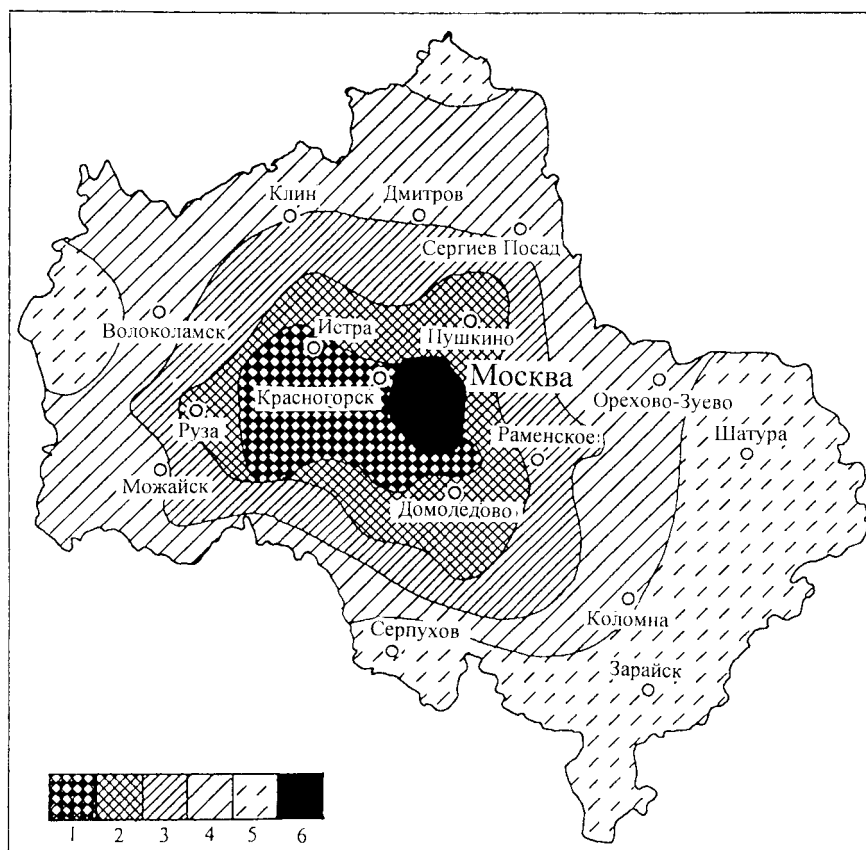
Таким образом, первичный рынок земли в России пока что выглядит как административный и часто таковым является. Реальную цену земля получает в основном на рынке второго жилья горожан и соответствующих участков. Отсутствие четкого земельного законодательства и механизма официальной купли-продажи земель, в том числе и сельскохозяйственных, по реальным рыночным ценам вовсе не спасает ценные пригородные земли от разбазаривания. Отсутствие законодательства выгодно только чиновникам, которые обогащаются за счет «разрешительности» акта выделения земель, перевода их из одной категории в другую и разницы между нормативной (на бумаге) и реальной ценой ее продажи.

Огромный спрос горожан на землю, казалось, должен был бы размыть центрально-периферийный градиент сельского хозяйства, как это случилось в США и развитых Европейских странах. Например, эрозия Тюненовских колец уже намечается в Подмосковье и некоторых, особенно крупногородских, регионах, где происходит и заметное сокращение земель коллективных сельскохозяйственных предприятий в ближайших административных районах.

В Московской области сельскохозяйственные угодья уменьшались и раньше, но за последнее десятилетие особенно резко (**табл. 4.2.2**). Их общие потери составили одну шестую часть былой площади. Уступив площади лесов, они все же занимают около 38% всей территории. Однако сокращение угодий происходило неравномерно — $\frac{2}{3}$ всех изъятий приходится на ближайшие и ближние к Москве районы. Меньше всего пострадали дальние, особенно южные аграрные районы. А в Красногорском и Люберецком районах угодья агропредприятий сократились наполовину.

Спецификой России стало вытеснение коллективных сельскохозяйственных производителей из пригородов не столько экспансией горожан как таковой, сколько сельскими и городскими администрациями. Получив в 1990-х права на манипуляцию с землей, они активно распределяют, продают и перепродают ее местному населению и горожанам, а также всевозможным юридическим лицам. Недаром все чаще районные админи-

Рис. 4.2.4. Рыночная цена земли в Московской области в сентябре 1995 г. в долларах США за 1 сотку

Источники: Бармина, 1995.

страции стали забирать у муниципальных права на манипуляции с землей, желая канализовать доходы в свои бюджеты (и карманы).

В провинциальных пригородах идут те же процессы, но они гораздо скромнее. Например, тот же Ярославский пригород сохранил традиционный аграрный профиль. Земли сельхозпредприятий занимают 65% его территории. Их нормативные цены здесь сопоставимы разве что с самым дальним Подмосковьем. Роскошных особняков, конечно,

Таблица 4.2.2. Динамика землепользования в Московской области за 1985–2000 гг.

	Доля в % на разные сроки				Изменения, тыс. га		
	1.01.85	1.11.90	1.01.95	1.01.2000	1985–90	1990–95	1995–2000
Сельскохозяйств. землепользователи	45,9	44,7	39,2	38,7	-13,1	-339,6	-24,5
Городские Советы	2,3	4,7	3,5	4,0	+110,9	-57,5	+21,4
Сельские Советы	2,6	1,1	6,3	6,8	-76,5	+241,1	+22,3
Населенные пункты, всего	4,9	5,8	9,8	10,8	+34,4	+183,6	+43,7
Пром., транспорт, оборона	8,0	8,6	7,1	5,9	+20,0	-38,9	-54,1
Лесохозяйств. пользователи	39,7	39,5	40,2	40,0	-9,2	-7,8	-11,8
Заповедники, нац. парки, рекреационные предприятия	0,8	0,8	1,2	1,4	+0,3	+13,1	+11,7
Земли запаса	0,6	0,6	2,1	2,6	-1,1	+65,0	+25,5
Прочие	0,1	0,1	0,5	0,6	+0,8	+18,8	+4,2
Итого	100	100	100		0	-101,9	-7,2

Источники: данные Комитета по земельным ресурсам и землеустройству Московской области за соответствующие годы.

тоже меньше. Городские садоводы и огородники вокруг Ярославля втрое превышают местное сельское население. Плюс наследственные дома горожан в деревнях. Нормативная цена сотки личных земельных участков, включая садовые, крайне низка, однако рыночная цена одной сотки вблизи Ярославля составила в середине 1990-х около \$ 500, что сопоставимо с рыночными ценами Подмоскovie (рис. 4.2.4).

Заявки на выделение земли в пригороде поступают и от множества частных фирм, желающих строить бензоколонки, платные автостоянки, мотели для транзитного транспорта. Для них рыночная цена у Ярославля достигла 1500–2000 долларов, как в ближнем Подмоскovie. С удалением от города к границе района цены падают, но не ниже сотен долларов. Администрация Ярославского района так же забрала у сельсоветов право на продажу земли, как это уже сделали многие районы Московской области. И по той же причине (как бы завуалированно ни звучали официальные мотивировки): уж очень она здесь дорога.

Тем не менее, значимость именно пригородного сельского хозяйства в России к концу века лишь усилилась (см. главу 3.5). В последнее кризисное десятилетие в действие вступили факторы выживания. Исследования отдельных хозяйств Подмоскovie и соседних областей показали, что не столько расстояние до столицы, сколько состояние хозяйств оказывается сегодня решающим фактором для сбыта продукции. Но сильных хозяйств, как правило, больше именно ближе к крупному городу. Да и дефицит отечест-

венного продовольствия в стране сохраняется. Значит, *усиливается и объективная значимость наиболее устойчивых пригородных коллективных хозяйств.*

Таким образом, общеотраслевые факторы входят в противоречие с территориальными. С одной стороны — локальные предпочтения рекреации, с другой — соображения продовольственной безопасности страны в целом и крупных городов в частности. С позиции местного взгляда на вещи крупные животноводческие комплексы у Москвы не нужны. Но многолетний опыт показал, что вкладывание средств в глубинку не дает результатов. В Подмосковье наиболее продуктивная сельскохозяйственная зона расположена в 20–60 км от столицы, т. е. в радиусе, наиболее удобном для рекреации.

Природопользование в пригородах крупных городов

Помимо сельскохозяйственных предприятий, спецификой российских пригородов является сохранение лесов. Даже Московская область более облесена, чем многие соседние лесные территории. Значимость пригородных лесов тем заметнее, чем крупнее и старше город и чем менее облесена (и вообще лесодефицитна) окружающая территория. Примером может служить Центрально-Черноземный район, где на фоне преобладающей распахки относительно большие массивы лесов сохранились рядом с крупными городами. В разное время они имели разное назначение: служили элементами оборонительных засечных линий, снабжали горожан дровами, затем стали играть важные рекреационную, санирующую и даже заповедную функции.

Помимо дачно-агро-рекреационной деятельности горожан пригороды, как правило, сосредотачивают и традиционные рекреационные предприятия. Например, до 1990 г. огромное рекреационное значение Московской области было связано как с потребностями самой Москвы в рекреационных учреждениях, так и с ее притягательностью, которая приводила к тому, что в подмосковные дома отдыха и санатории ехали отдыхать не только москвичи, но и люди со всей страны, и не только ради собственно отдыха или лечения, но и ради возможностей регулярных поездок в столицу из пригорода.

В результате в Подмосковье была создана самая плотная в России рекреационная сеть. Она и сейчас по общей вместимости учреждений составляет почти четверть общероссийской рекреационной сети (Атлас рекреационных..., 1998, с. 10) и превосходит даже наиболее известный и популярный у отдыхающих Северный Кавказ.

Пригородное лесное и заповедное хозяйства также реально существуют, как и пригородное сельское и рекреационное. Анализ дислокации 150 заповедников бывшего СССР показал, что 73, или почти половина, удалены от ближайшего большого города менее чем на 60 км, т. е. находятся в зоне потенциальной или реальной городской агломерации (Нефедова, Трейвиш, 1988).

Тем не менее общая закономерность увеличения интенсивности землепользования при приближении к городу остается справедливой: увеличивается плотность застройки, плотность населения и активность его деятельности. Новые прогрессивные формы и ме-

тоды хозяйствования также имеют больше шансов появиться и укрепнуть вблизи центров — генераторов различных новшеств. На этой центробежной закономерности основан ряд схем функционального зонирования, например, схема поляризованного ландшафта Б. Б. Родомана (Родоман, 1974). Однако реальная жизнь вносит асимметрию, деформируя классические кольца и звезды. Эта асимметрия является не индивидуальным отклонением, а скорее общим правилом пригородного землепользования. Наиболее ярко она проявляется в тех городах, которые совмещают различные функции: курортную и портовую, административную и промышленную, а также там, где промышленно-городские агломерации имеют специализированные промышленные города-спутники. В результате формируются четкие функциональные «крылья» пригородного землепользования.

Все это говорит о том, что города, особенно крупные, обычно тяготеющие к местам стыка разных природных ландшафтов, в процессе их использования *не только не сглаживают природное разнообразие, но порой даже усиливают его*. Такое разнообразие природно-антропогенного окружения необходимо городу для удовлетворения его многочисленных потребностей. Кроме того, оно, несомненно, повышает демографическую и хозяйственную емкость территории. Емкость, как известно, связана с устойчивостью природных систем, которая в пригородах повышается (Владимиров, 1986; Географическое обоснование..., 1985). Например, устойчивость ландшафтов пригородных территорий с их парками, огородами, прудами, т. е. территорий, разнообразных по структуре и генезису, теперь выше, чем она была раньше, когда на их месте господствовали поля.

Градиенты, пороги, барьеры в пригородах на примере Москвы и Подмосковья

И все же главными практически в любом пригороде крупного города являются перепады очень многих показателей по мере удаления от центра. Это можно наглядно показать на примере Москвы и Московской области, при этом важно «увидеть» не только административную границу, как пороговую между городом и не городом, но выявить и другие пороги и барьеры, как внутри города, так и в его пригороде. Правда, характер имеющейся статистики вынуждает нас опираться на административные территориальные единицы: в Москве — 10 округов, в Московской области — 39 районов.

Центральный округ столицы, примерно совпадающий с территорией, ограниченной вторым автомобильным кольцом, но имеющий более ломаные границы, — самый маленький (не считая г. Зеленограда). Его площадь около 6% территории столицы. Он и был принят за ядро региона. Остальные округа формируют первое кольцо или зону 0.

Сгруппировав административные районы Московской области по критерию соседства, мы получаем еще четыре кольца (аналогично тому, как это делалось в главе 2.6). Зона 1 — ближайшие соседи Москвы — до 20 км от границы Москвы, примерно в рамках ЛПЗП¹²; исключение составляет сильно выдающийся на запад Одинцовский район. Соседи второго порядка — зона 2, радиусом 20–60 км. Поскольку форма области дале-

¹² Лесо-парковый защитный пояс.

ка от окружности, эта зона на северо-востоке и юго-западе выходит к ее границам. Соседи третьего порядка — зона 3, удаленная от Москвы на 60–100 км. Соседи четвертого порядка — зона 4 — это дальние западные и восточные окраины области.

Плотность занятых, отражающая концентрацию деятельности, имеет значительно более крутой перепад на границе между Москвой и соседями 1-го порядка, чем плотность населения (33 и 13 раз соответственно). Это показывает, как сильно столица «перехватывает» рабочие места у ближайших территорий. Но еще большую активность в перехвате функций развивает центр столицы. Разница в плотности населения между центральным и остальными округами незначительна, а по числу рабочих мест она достигает пяти раз (**табл. 4.2.3**). Здесь граница между центром и остальной территорией Москвы оказывается не менее существенной, чем внешняя граница столицы.

О распределении сальдо миграций по мере удаления от Москвы уже говорилось в главе 2.6. Наиболее широко применяемый показатель миграций на 10 000 жителей имеет два выраженных пика, которые четко отражают приграничный барьерный эффект. Первый пик — в ближайшем московском пригороде: люди концентрируются у границ Москвы, если не в силах проникнуть в столицу. Второй пик — у внешней границы Московской области. Он имеет продолжение в соседних областях и имеет по сути ту же природу миграционного фильтра, что и первый (**рис. 4.2.5**).

Однако описанный выше феномен связан не столько с тем, что в Москву ежегодно прибывает меньше мигрантов, чем в ближайшее Подмоскovie, сколько с очень высокой плотностью населения в ней, занижающей относительный показатель. Если рассчитать, сколько оседает людей на кв. км территории, то тут столица оказывается вне всякой конкуренции, при этом значительных различий внутри Москвы не видно, в то время как перепад показателя на границе Москвы достигает 11 раз. Однако градиент между городом и пригородом оказывается гораздо более плавным, если посчитать показатель плотности мигрантов в городах Московской области, который более корректно сравнивать с московским. При этом зона ближайшего соседства оказывается столь же аттрактивной, что и столица.

Один из главных факторов, привлекающих людей в столицу, — возможность получить работу. Уровень официальной безработицы составлял в 1998–1999 гг. в центре столицы 0,76%, постепенно увеличиваясь к окраинам. В ближайшем пригороде он достигал 2,3%, а в отдаленном — 5% (Паспорт социально-экономического..., 1999, данные комитетов труда и занятости Москвы и Московской области). Но больше всего поражает не столько низкая безработица, сколько большие возможности получения работы. В центральном округе каждый официальный безработный мог выбирать в среднем из 8 вакансий. Этот показатель резко падал уже в других районах столицы, в ближайшем пригороде на одного безработного приходилась примерно одна вакансия, а на окраинах области на одно свободное место претендовали уже 10 безработных.

И все же наиболее выразительными в Московском регионе оказываются пороги и перепады экономических показателей (**рис. 4.2.6**). Плотность промышленного производства на единицу городской территории падает от центра к ближайшим пригоро-

Таблица 4.2.3. Пороги значений показателей между концентрическими зонами по мере удаления от центра Москвы

	Перепады значений между зонами, число раз				
	Централь- ный и про- чие округа Москвы	Округа Москвы и зона 1 в МО	Зона 1 и 2 в МО	Зона 2 и 3 в МО	Зона 3 и 4 в МО
Плотность постоянного населения	1,1	13,3	3,2	2,1	1,2
Плотность занятых на единицу терри- тории	4,9	32,8	2,9	2,0	1,0
Сальдо миграций в города, чел./кв. км	1,1	1,0	2,2	1,8	1,0
Число рабочих мест (без вакансий) на 1000 жит.	4,4	2,5	0,9	0,9	0,9
Отношение числа вакансий к числу безработных	4,0	2,8	3,5	1,0	2,0
Промышленная продукция на кв. км городов	3,6	1,7	0,8	0,9	1,9
Инвестиции на кв. км городов	41,5	0,9	1,8	1,1	1,4
Розничный товарооборот на кв. км поселений	6,4	16,1	1,8	1,6	1,0
Инвестиции на одного занятого	8,6	0,4	1,5	1,0	1,3
Инвестиции на одного жителя	36,3	1,0	1,3	1,0	1,1
Розничный товарооборот на одного жителя	5,7	6,6	0,9	1,0	0,9
Число малых предприятий на кв. км городов	6,7	2,4	1,3	1,5	1,4
Число малых предприятий на 1000 занятых	6,7	1,0	1,1	1,3	1,3
Ставки земельного налога на город- ские земли, 1998 г.	8,0	3,3	1,2	1,1	0,9

* Земли в пределах МКАД

дам и вновь возрастает во второй и третьей зонах. Инвестиции концентрируются преимущественно в центральном округе. Перепад значений между ним и остальными округами Москвы достигает 40 раз. Здесь, конечно, сказывается то, что в центре столицы расположены штабы многих компаний. Тем не менее даже в ближайшем пригороде инвестиции на единицу городской территории несколько выше, чем на окраинах столицы. Правда, затем — по мере удаления от Москвы — они вновь падают. А перепад плотности торгового оборота наиболее существен именно на границе Москвы и области (табл. 4.2.3). По статистике Москва буквально опустошает пригородную торговлю, стягивая все на себя.

Рис. 4.2.5. Миграции, занятость и безработица по зонам удаленности от центра столицы в Москве и Московской области

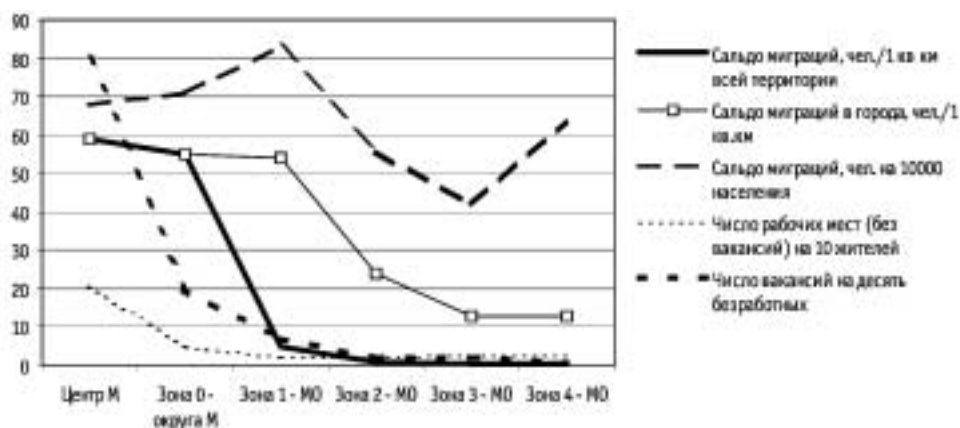
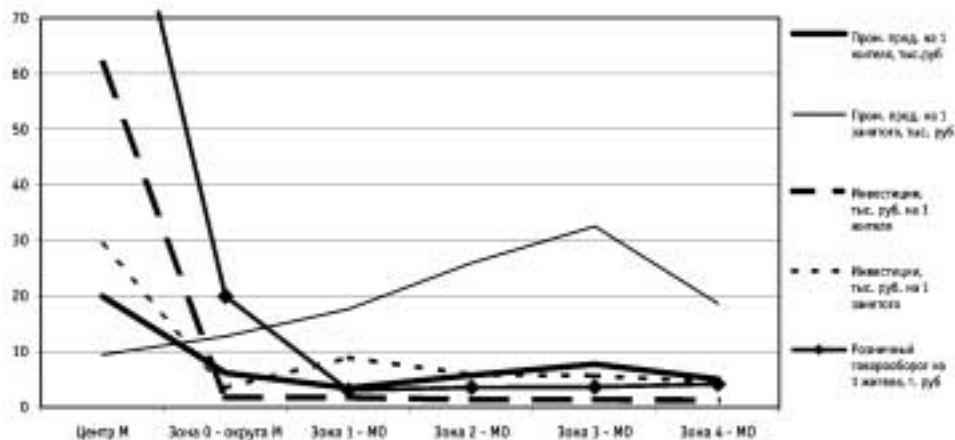

Рис. 4.2.6. Удельные показатели промышленной продукции, инвестиций и торговли на одного жителя или занятого в Москве и Московской области

Картина не сильно меняется, если рассчитать не плотностные (на городскую территорию), а удельные (на одного жителя или занятого) показатели. Только промышленная продукция на одного занятого несколько выше на периферии региона, чем в центре столицы, в связи с его иными функциями.

В табл. 4.2.3 мы видим, что пороговые перепады между центром и периферией в пределах Москвы порой гораздо больше, чем между городом и ближайшим пригородом. По 11 из 14 рассмотренным показателям Центральный округ превышал остальные более чем в 3 раза, а по инвестициям — в 30–40 раз. Даже если сделать скидки на возможные статистические несоответствия с реальностью, все равно очевидно, что граница между центром и остальной территорией столицы оказывается чаще всего более значимой, чем внешняя граница города.

При переходе от города к пригороду наиболее существенными оказываются показатели плотности населения и занятых, а также торговая активность столицы. Следующая заметная граница — внутри Московской области между соседями 1-го и 2-го порядка. Здесь перепады в плотности населения, занятости и возможностях найти работу достигают 3 раз, плотность нетто-миграций выше у ближайших соседей в 2 раза. Существование такой границы связано с тем, что к Москве примыкают 11 городов, где долгие годы концентрировалось все то, что хотело и не могло проникнуть в Москву. Эти ближайшие к Москве города мало чем отличаются от районов-выплесков типа Митино, Косино, Жулебино и т. п. По замечанию Б. Б. Родомана, «территориальный рост Москвы прекратился или надолго задержался на самой неудобной стадии: в Москву уже вошли спальные районы за МКАД, но остались обойденными тесно примыкающие к ней города» (Родоман, 2000).

Следующая граница видна, главным образом, по плотности населения и занятости. А последняя граница, отделяющая наиболее удаленную зону, наиболее явно отстает по возможностям трудоустройства.

И Москва, и Подмоскovie сохранили традиционную мозаичную основу и асимметрию «зеленый рекреационный запад — дымный промышленный восток». Исторически сложившаяся асимметрия промышленного развития весьма выгодна в экологическом отношении (Московский столичный..., 1988, с. 78, 265 и др.). Западный сектор в 70–80-х гг. привлекал филиалы элитарных московских предприятий, особенно оборонных, и подвергался ускоренной диффузной индустриализации, беспокоившей защитников природы. Полудепрессивный старопромышленный восток оставался опорой области в традиционном смысле (население, ресурсы, производство, экспорт).

Если территорию Москвы и Подмоскovie дополнительно к выделенным зонам разбить на 4 сектора: север, юг, запад, восток, то получится 20 ячеек-фасет, плюс центр столицы. Конкурентов востоку Москвы по абсолютным показателям промышленного производства в Подмоскovie нет, хотя его вторая и третья зона (с Электросталью и Воскресенском) производят на кв. км территории и на одного занятого больше, чем в восточных районах столицы. По инвестициям выделяется западный сектор. Кроме того, повышена инвестиционная привлекательность севера столицы и южного Подмоскovie. В то же время промышленный восток — как в самой столице, так и в пригороде — не привлекает инвестиций.

Относительная миграционная аттрактивность на 10 000 жителей в ближайшем северном и южном Подмоскovie даже выше московской, в которой выделяется не столько центр, сколько восточный сектор. А дачных и садовых товариществ в Подмоскovie больше всего на западе (30% всех земель, занимаемых садовыми товариществами, и 34% всех дачных участков). Однако по садовым товариществам не отстает от него и восток (26%), хотя для дач этот район менее привлекателен (9%). Зато на севере концентрируется четверть всех садоводческих земель и почти треть дач. При этом, если на западе подобные рекреационные зоны рассредоточены на относительно большой территории, то к северу и востоку от Москвы они формируют огромные компактные массивы.

Итак, восток Московского региона, концентрируя промышленное производство, остается и в 1990-х очень неперспективным для инвестиций, но, как ни парадоксально, привлекательным для мигрантов, ориентирующихся на стабильные рабочие места и более дешевое жилье. Он также служит зоной отдыха москвичей преимущественно среднего достатка. Инвестиции и новые виды деятельности больше тяготеют к западному сектору, более элитному и в рекреационном плане. Южные ближние к столице сектора Подмоскovie при значительных промышленных объемах оказываются способными привлечь и новые инвестиции, и малые предприятия. Они весьма привлекательны и для мигрантов, но менее освоены дачниками. Северный сектор имеет скорее средние экономические показатели, только ближайшие к столице города и дачная местность весьма аттрактивны. В целом новейшие процессы укладываются в старые схемы секторального развития.

Сильный перепад статистических показателей между центром и остальной территорией Москвы не совсем верно отражает существующую действительность, в которой этот градиент все же более плавен за счет переходных зон, не «подхватываемых» статистикой. В столице это полупериферийная зона, которая лучше всего выделяется по ставкам земельного налога (Стоимостная оценка..., 1999) или по стоимости жилья в столице (Предложение жилья..., 1999). В новом Генеральном плане Москвы (Архитектура..., 1999) основной упор делается именно на развитие этой срединной зоны столицы за пределами Центрального округа, которая в будущем может способствовать разгрузке в центре. Планировщики выделяют ее по критериям комфортной транспортной доступности основных объектов столицы: торговли, питания, театров, жилья и т. д. Но как бы она ни выделялась, на севере ее внешняя граница в значительной степени совпадает с новым третьим транспортным кольцом, на юге она выдвигается гораздо дальше этого кольца, деля московский радиус примерно пополам.

Но главное в этой полупериферийной зоне — ключевые ядра и линии развития, которые реально формируются. Это территория вдоль третьего транспортного кольца, а также отдельные лучи, прежде всего вдоль Ленинского, Кутузовского и Ленинградского проспектов, т. е. в наиболее перспективных для инвесторов, элитных торговли и жилья направлениях. Таким образом происходят как бы «выплески» центра в срединную зону столицы.

Переход Москвы в пригород тоже оказывается не столь резким. Развитие идет по некоторым перспективным направлениям — выплескам столицы. Пороги в стоимости земли и арендных плат, а также некоторые льготы, которые дает область, делают бли-

жайшие города весьма привлекательными для инвесторов. Планировщики считают наиболее перспективным для новых видов деятельности северо-западное направление от Химок через Зеленоград почти до Солнечногорска как продолжение Ленинградского проспекта в Москве. Немаловажную роль в развитии этого направления сыграл и международный аэропорт Шереметьево. Здесь уже создано множество транспортно-складских и торговых центров, ориентирующихся на Москву с большим участием западных инвесторов. А западный и юго-западный московские сектора элитной торгово-деловой активности не имеют столь явного продолжения за границами столицы (несмотря на наличие аэропорта Внуково), отчасти из-за природо-охранных функций западного сектора Подмосковья и повышенной его значимости для элитарного жилья. В этих направлениях не сложилось столь мощных деловых связей ближайшего Подмосковья со столицей, как на северо-западе. Гораздо активнее развивается южное направление от Бутово через Подольск на Серпухов, что вполне согласуется и с формальными статистическими расчетами, приведенными выше.

В целом в пригороде, как и в Москве, в 1990-х гг. все больше набирает силу неразвитый прежде третичный сектор, происходит первичная концентрация инновационных форм торговли и бизнес-услуг. При этом в пригороде наиболее активно развиваются функции, которые непосредственно связаны с обслуживанием столицы, в том числе пищевая промышленность, транспортно-обслуживающие, торговые центры. То есть, несмотря на накопленный собственный потенциал, в том числе и промышленный, Московская область, как и прежде, способна динамично развиваться только при тесном взаимодействии с Москвой.

Однако зоны концентрации населения (московские жилые районы, подмосковные города, дачно-садово-коттеджная рекреация) и инновационной торгово-деловой активности, как правило, территориально не совпадают. Население и новый бизнес живут каждый своей жизнью, мало пересекаясь. Элитные и полуэлитные торговля и услуги как бы имплантируются в ткань города и пригорода, но не вживаются в них, оставаясь чужеродными. Более того, очень часто они задают такие специализацию и уровень цен, которые сильно осложняют жизнь местного населения. Тем самым они усиливают сегрегацию пространства.

Несовпадение мест концентрации дач и коттеджей с концентрацией деловой активности еще раз подтверждает, что российский вариант сезонной дачной субурбанизации не является субурбанизацией в западном смысле слова. Она не сопровождается комплексным развитием территорий, появлением новых рабочих мест и т. п. В целом можно сделать вывод, что *развитие Москвы как инновационного центра заметно опережает ее развитие как города-гиганта*. Последнее отчасти тормозится неповоротливостью и консерватизмом как городских, так и областных властей.